

[ЮБИЛЕЙ]

Владимиру КОСТРОВУ –

85 ЛЕТ

В день Рождества Пресвятой Богородицы – 21 сентября 1935 года родился великий русский поэт Владимир Костров. Редсовет альманаха «День поэзии – XXI век. 2020–2021» сердечно поздравляет юбиляра!

Александр ОРЛОВ

«ДОВЕРЯЯ СЛОВАМ И МОЛИТВАМ...»

Если внимательно обратиться к тематике, форме, размеру, ритму, которые присущи стихотворениям Владимира Кострова, то полученное обогащённое чтение сравнимо разве что с художественным ясновидением, а ведь именно так называл настоящее книжное чтение великий русский философ Иван Ильин.

По моему мнению, Владимир Костров принадлежит к поколению Глеба Горбовского, Юрия Кузнецова, Станислава Куняева, Новеллы Матвеевой, Алексея Прасолова, Николая Рубцова...

Поэзия этого поколения – это поэзия обожжённой почвы, это последняя нежность войны, она была рождена под бомбёжками, артобстрелами, в оккупации и эвакуации. Она проросла в землянках и карточной системе, возмужала в тягостный период восстановления народного хозяйства и промышленного строительства. Эта поэзия вышла на межпланетную орбиту из барачных, хрущёвских и общежитий с первым искусственным спутником Земли, она прикоснулась к непознанному и необъяснимому с первым человеком в мировой истории, совершившим полёт в космические бездны. Именно тогда перед поколением трудового героизма и научных подвигов возникли новые культурно-нравственные смыслы, которые привели впоследствии к православным истинам.

Этот процесс смыслового поиска характерен поэзии Кострова и выделяет в ней ярко выраженный тройственный образ русского человека, в котором сочетаются поэт, пророк, и музыкант. Эти качества словно вычитываются из костровских строк, они могут классифицироваться как не подлежащие денационализации.

Вглядываясь в колоссальное обилие современных авторов, в противостояние и пересечение сегодняшних литературных направлений, невольно начинаешь осознавать, что русские люди изголодались по мимолётной по восприятию и глубинной по замыслу гармонии слова. Исцелить переживших эпохальные перемены русских людей призваны благородные стихи поэта, явившегося в мир из мест, где на окраинах городов и деревень среди множества церквей, и часовен ещё встречаются старинные деревянные избы с накладной резь-

бой. Потрясённые и раненые сердца православного народа ментально открыты для вещей слов земляка народного героя Ивана Сусанина, для гармонизированной поэзии большого созерцания и глубокого замысла.

Стихи Кострова, родившегося на вотчине сыновей благочестивого великого князя Всеволода Большое Гнездо, поразительно народны и национально идентифицированы, они являют исконный и своеобразный путь русского слова, которое прошло извилистыми дорогами сквозь климатические строгости, бытовые трудности, жизненные лишения, невиданные военные и исторические потрясения, но всегда таило в себе победоносное и неисчерпаемое чувство любви. Именно поэтому пасторальные, интеллектуальные, и даже иронические стихи словотворителя Кострова, детство, которого прошло недалеко от Свято-Троицкого Ипатьевского, Богоявленско-Анастасинского и Знаменского монастырей, по сути своей имеют молитвенный посыл, который исполнен поисками, муками, терпением, прощением, самоиронией и юмором, а главное свободолюбивым пением. В них властвует дух монастырского трёхгранника, так эти стихи решительно противостоят агрессии абсолютного зла, исчезающего страха, вкрадчивого уныния и обширного отчаяния, они приносят силу подлинной молитвы и силу долгожданного покаянного очищения во внутренний мир читателя. После такого катарсиса чувство оздоровления, чувство духовного возвышения над обыденным восприятием, становится жизненной необходимостью.

Этот традиционный посыл, который свойственен Кострову, выделяет великую русскую поэзию в мировой культуре, и делает творчество самого Кострова значимым, возрождает утраченные смыслы и раскрывает священные глубины, указывает новому поколению литераторов подлинные, глубокие темы и дарует верные, и меткие способы самовыражения. Такая священная глубина консервативна, она рождена восточно-христианской цивилизацией, она этична и эстетична, она дарована русскому человеку и обновлена в душе народного поэта, о котором говорили и писали литературоведы Николай Скатов и Игорь Золотуский; поэты Виктор Боков, Юрий Левитанский, Александр Межиров, Ярослав Смеляков, Николай Старшинов, Арсений Тарковский; критики Геннадий Красников, Валентин Курбатов; писатели Виктор Астафьев, Алексей Варламов, Юрий Поляков, Валентин Распутин; композиторы Лора Квинт, Георгий Свиридов, Александра Пахмутова...

Но особое место в жизни Кострова отведено величайшему национальному русскому гению – Александру Сергеевичу Пушкину. Как говорит сам герой моего повествования: *«Пушкин, гармонически сочетая элементы, как бы охватывает всё...»* Пушкин, гармонично и неудержимо охватил всего Кострова, и судьбоносным знаком свыше была подготовка и проведение Костровым двухсотлетнего юбилея создателя современного русского языка. И это не случайно, ведь триумфальное возвращение в народные сердца Сергея Есенина началось именно с организации и проведения Костровым юбилейного вечера великого русского поэта, а ведь ещё была проделана громадная работа по воскрешению выдающихся имён русской литературы: Николая Гумилёва, Павла Васильева, Бориса Корнилова. Около тридцати лет Костров возглавлял вначале Всероссийский, а впоследствии и Международный комитет по проведению пушкинских праздников, но главное: на государственном уровне был учреждён в день рождения Пушкина 6 июня Международный День русского языка. Это пробуждает ощущение, что в жизни и стихах Кострова пушкинский дух явственно заметен как ни у кого более. Именно поэтому в каждом стихотворении Кострова отчётливо выделен как сам предмет, так и его содержание. Создаётся впечатление, что читатель становится свидетелем или участником диалога, пред ним восстают вопросы, обращённые к нему, и вокруг него: что ты чувствуешь? что ты видишь? о чем ты хочешь сказать? Так мы видим, чувствуем, слышим, что внутренний мир пронизательного поэта Кострова сосредоточен в мгновенья, когда чувственный опыт взволновано и вдумчиво созерцает соприкасающиеся и параллельные миры, предметы и едва заметные духовному оку детали.

Это сердечное созерцание порождает явление, в котором рождается слово, а размер строки, ритм, рифма, мелодичность приходят самостоятельно, словно прибывают по неосязаемому

тому приглашению. Это действие – порождение истинного чувства, восторга, одушевления, вдохновения. При чтении стихов Кострова не покидает впечатление, что поэт, в младенчестве влюбившийся в хвойные и обрывистые берега Вохмы и Ветлуги, углубляет мысль и оживляет заново сердце, наблюдая в каждом из пространств невидимые формы и неслышимые звуки.

Одной из особенностей памятных и победных стихословительных опытов химика, изобретателя, преподавателя, драматурга, переводчика и поэта Кострова является противопоставление личного жизнелюбия всем уничтожающим человеческую душу силам. Так даже в самых трагических стихотворениях, посвящённых тягостным временам российской смуты или уходу из жизни автора значимых людей, могучая боль воспринимается им как золотордынское иго, но чувство счастья таково, что он видит светлый исход из создавшихся бедствий в героическом стоянии, которое так характерно русскому народу. При этом – в зависимости от внутренней зоркости читателя – он читатель, может стать единомышленником автора, или вступить с ним в полемику, но по словесным и сердечным коридорам его всё равно будет вести уроженец самого северного уголка края костров и пепелищ, в котором символично сжигали соломенную куклу во время летнего обрядового цикла. Мне кажется, это горение, так раскультивированное во времена восточнославянских племенных союзов, безостановочно происходит и в самом Кострове, оно христианизировано, и вопрос лишь в высоте пламени, времени года, или в ходе этапов жизни.

Поэзия Владимира Кострова словно происходит из учения всемирно известного немецкого философа Георга Гегеля, ведь в его поэтической форме происходит смысловое соитие религии и науки, она словно констатирует что, всё существенное в мире имеет однородное происхождение. Таким образом, мы можем утверждать, что момент рождения подлинного стихотворения, становится научным открытием, а перед нами сегодня итог выдающихся научных трудов с историей в семь десятилетий, разделённых двумя веками.

* * *

Игорю Золотусскому

Я лежу у костра на рассвете
Под копной над певучим ручьём.
Я сегодня свободен, как ветер,
Как крестьянские дети в ночном.

Сigaretная пачка в кармане,
На канадке развязанный жгут,
Недалёкие кони в тумане
Деревенскую травку стригут.

Хорошо из московского круга
Погрузиться в мерцающий свет.
Почему-то мне Бежина Луга
Вспоминается дивный сюжет.

Почему-то, как дождик по крыше,
Месяц ягоды сыплет в ведро,
Почему-то в далёком Париже
Роковая поёт Виардо.

Почему-то тепло под рубахой,
Почему-то светло на уме,

Почему-то Тургенев с собакой
Из тумана выходят ко мне.

* * *

Когда померкнет в небесах,
Стихают стрелки на часах,
Я засыпаю. И во сне
Ты возвращаешься ко мне.
Ко мне тыходишь босиком.
Сверчок поёт за косяком,
И гладит волосы слегка
Твоя прозрачная рука.
И комната моя светла,
Как от парного молока,
И как астральные тела
Летят по небу облака.
И этот шорох, этот свет
Смиряет горечь долгих лет,
И ветер ночной в печной трубе
Поёт негромко о тебе.

* * *

Теперь уже, увы, давно почивший в бозе,
Но в памяти моей пока ещё живой,
Ты наставлял меня в аналитичной прозе,
Ты просвещал меня, ушедший критик мой.
Была в твоей статье печаль и укоризна,
Что малый мой талант чуть вспыхнул и потух,
Что бес завёл меня в туман патриотизма,
И не пьянит меня Вольтера горний дух.
Ты прав: я не искал всемирного пиара,

Консервативен я, хотя и сед и стар.
И всё в тумане я –
Вольтеру я не пара,
Но на большой земле
Контрастных много пар.
Что ж, каждому из нас дана по жизни вера,
Наследникам твоим напомнить буду рад
Предсмертные слова великого Вольтера:
«Христос, ты победил!
Я отправляюсь в ад!»

* * *

Тревоги наши вечные,
Дороги наши долгие –
Глубокие ухабы, как долговые ямы.
В пути я время меряю
Мятлевскими дольниками,
Апухтинскими дактилями
И Пушкинскими ямбами.

Кому они нужны сейчас –
Хореи, амфибрахии?
Но связаны мы все, друзья,
Не рельсами и рейсами.
Порой нам хочется любить,
Чтоб даже серьги брякали,
И чтобы отпевали нас
Хоры архиерейские.

Ни денег, ни хором я не оставлю внукам,
Мы связаны не только генами, гормонами,
Я с ними поделюсь певучим русским звуком,
Есенинскою нежностью и блоковской гармонией.

Нет никакой инстанции
Над этими пространствами,
Где наши церкви белые
Звонят золотоглавые.
Мы связаны частушками,
Романсами и стансами,
Не частными активами,
А вечными октавами

* * *

Александр Орлову

Когда луна в своей четвёртой фазе
Монгольской девой припадёт к окну,
Я от мостков на рыболовной базе
Двухвёсельную лодку оттолкну.
И золото воды, стекая с вёсел,
Там за кормой оставит буруны,
И Божий мир, не знающий ремёсел,
Откроет все четыре стороны.

Я поплыву по световой дорожке
Вослед за незаметным ветерком,
Туда, где лилий детские ладошки
Сомкнутся к ночи над своим цветком.
И в медленном теченье речки сельской
Затрут за мною мокрые следы.
Лишь маковки, похожие на сердце
Лягушкам проглянут из воды.
Какой наив разлит на росных ивах,
Какой мотив овладевает мной,
И пошлый шум спесивых и глумливых
Останется у лодки за кормой.

ДАВНЕЕ

Сентябрьская пора кустодиевских красок,
Беспечных воробьёв крылатая лапта.
День холоден чуть-чуть, но солнечен и басок,
И потому в душе сплошная лепота.
У нас в саду петух сидит на новой бане,
Кричит на свой гарем картавым говорком,
А в банной глубине, в сплошном парном тумане
Ты веником шуршишь и пахнешь молоком.
Восторженным глазам прозрачны даже стены,
Они и лист стальной готовы проколоть.
Когда же, наконец, как в древности из пены,
Появится твоя сверкающая плоть?
Я, кажется, рискну туда к тебе ворваться,
Чтоб жаркий пар смешать с осенним холодком.
Я визга не страшусь, мне ль веника бояться,
Неужто ты меня остудишь кипятком?

* * *

Ещё горит сияющая млечность,
И молода вода в ночной реке...
Мои друзья уходят в бесконечность
По одному уходят, налегке.
Освободившись от земного груза,
Я верю, что они идут на свет,
А там поёт пленительный Карузо,
И сладкие стихи читает Фет.
Здесь ходики стучат неутомимо.
Пылают звёзды, и шумят леса.
О, Господи, я верю в чудеса!
Но отчего печаль неутолима?